

17 ИЮН 1978

— Сегодня в слове «опера» подчас улавливают привкус старины. Да, ее вековые традиции — часть нашей современной культуры, но та именно часть, которая сравнительно архаична. Как вы относитесь к такому утверждению?

— (Смеется). Это очень модный теперь разговор: опера устаревает, она никому не нужна. И разговор напрасный. Опера возникла как духовная потребность человека, и торжественно покончить с ней, «сбросить с корабля современности», по меньшей мере, наивно. С таким вопросом недавно обратились к маэстро Абадо, главному дирижеру прославленного театра «Ла Скала»; он ответил такой изумленно-негодующей гримасой, что стало ясно — сказали вслух глупость...

Да, оперная сцена условна в большей мере, чем драматическая. Но суть не в этом. В искусстве, в любой его форме, важна человечность, глубина. А когда спектакль говорит о жизни, становится исповедью души — разве это стареет? Могут уйти из жизни авторы оперы, но в ней остается биться их сердце. А этому капризы моды не страшны...

Для меня это, правда, смешной вопрос. Мне сейчас приходится много ездить, я вижу, какой интерес к опере во всем мире, как дирижеры буквально выкапывают из прошлого оперы, которые еще никогда не были исполнены. Интерес к старой опере очень большой, и говорить об угасании жанра значит говорить неправду.

— Чудо театра... Оно совершается не только на сцене, но и в сердце зрителя. И если зритель не тронулся игрой артиста, если он равнодушен к тому, что происходит на сцене, — чудо не состоится...

— Знаете, какой зритель мне дорог? Тот, кто хочет слушать оперу, который хочет оперу понять. Это неверно, что оперное искусство — удел избранных. В такой категоричности кое-кто находит признак высокого эстетического развития. Я думаю, что чаще всего это признак элементарного невеждения. Термин «законченное образование», по моему, не совсем точен. Законченного образования нет, а самовоспитание продолжается всю жизнь. Образованный человек в моем представлении тот, кто тонко и остро понимает прекрасное, а это, конечно, не всегда совпадает со знанием общеобразовательной программы или даже с начитанностью.

Красота очень доходчива. Человек, у которого в душе есть струны прекрасного, обязательно настроит их в унисон с происходящим на сцене. Конечно, не имея специального музыкального образования, трудно сказать: вот здесь отлично, а тут вышло похуже. Но когда хорошо — это понимает каждый человек. Срабатывает какой-то безошибочный инстинкт, душевный слух. Так я думала раньше, так думаю и сейчас, только еще упорней и тверже.

— Елена Васильевна, расскажите о Большом что-нибудь, чего не знает обычный зритель...

— А что обычный зритель знает? — К примеру, историю театра, любимых артистов...

— Тогда я скажу, что Большой театр — это огромное производство, что-то вроде гигантской фабрики. Мы работаем в Москве на двух сценах — в театре и в Кремлевском Дворце съездов, спектакли идут одновременно и днем, и вечером. У нас громадные мастерские, в которых изготавливают реквизит — мебель всех веков и стилей, оружие и т. д. У нас колоссальный комбинат по шитью костюмов. Я уже не говорю о трех полных составах оркестра... Словом, Большой театр — это большой труд очень большого коллектива.

жизни... Важен подтекст. Пожалуй, это было бы интересно...

— Несколько слов о вашем расписании дня, пожалуйста.

— Поднимаюсь каждый день в семь утра. Споловины девятого ко мне приходит мой концертмейстер, мы работаем вместе до 12. В двенадцать у меня ученики в консерватории. Потом я успеваю схватить что-нибудь поесть быстро и бегу на репетицию в театр. После театра у меня или запись на пластинку, или выступление в опере, в концертах. Вечером, если нет выступлений, опять занимаюсь с концертмейстером. В общем, в день выходит часов 5—6 репетиций с ним. Запись тоже длится обычно не ме-

Может быть, что-то и получилось бы: характер у меня сильный.

— Вы собирались дрессировать такие тигришьи создания?

— О нет, я хотела взять пантер. Это мой самый любимый зверь. Он красивый, он смелый, сильный и коварный. И вызывает у меня всегда ассоциацию с Кармен. Мне кажется, что Кармен должна быть, как пантера, которую все хотят приручить, погладить, и все боятся. И это, по моему, самый загадочный зверь...

— И Кармен — после стольких спектаклей — тоже?

— Да.

— Каждая профессия налагает на человека определенные обязательст-

надо притворяться, не надо хитрить, делать из себя кого-то. Быть самим собой — лучшее средство быть современным.

— Многие партии своего репертуара вы впервые спели во время зарубежных гастролей...

— Ездить приходится очень много, и со многими театрами моя жизнь связана годами. Несколько лет подряд я пою в «Метрополитен-опере», сейчас жизнь свела меня с театром «Ла Скала». В Японии часто бывала с концертными поездками, одно время часто выступала во Франции. Пела в Испании, в других странах. Недавно в Лондоне с главным дирижером «Метрополитен-опера» Дж. Ле-

ее, переживаю какое-то очищение души. Очень люблю Фросю в «Семейном Котко». Девчонка 14 лет, очень смешная, неутомимая, вечно суется не в свои дела, устраивает свадьбы, убеждает к партизанам. Она напомнила мне детство... На другой день пела Графиню в «Пиковой даме», мне было 75 лет, вся в воспоминаниях, в Версале... Эти превращения меня очень увлекают.

Однажды я застала свою девочку — ей было пять лет — в кухне, она стояла на четвереньках и пила молоко из одного блюдца с кошкой. Я пришла в ужас: «Лена, почему ты позволяешь себе такое?» «Я не понимаю тебя», — сказала девочка терпеливо, — почему ты сердись, я же кошка!»

И я подумала, что это очень похоже на то, что происходит со мной в театре...

— Вы хотите, чтобы дочь стала актрисой?

— Она, будет ею даже вопреки моему желанию. Она очень эмоциональна, знает весь мой репертуар, с детства живет, нет, купается в музыке — у нас прекрасная фонотека. Если она не будет певицей, она, наверное, придет в драматический театр. Но в любом случае ей будет легче, чем мне.

Мои родители были инженерами, но любили музыку, были завсегдатами филармонии, устраивали домашние музыкальные вечера. Я с детства хотела быть артисткой. Уже в пять лет пела вальсы Штрауса, только не могла запомнить слов. Во втором классе подружки повели меня поступать в хор Дворца пионеров, и меня не взяли, потому что я не знала толком слов ни одной песни.

А потом... Только мой педагог в консерватории знает, чего мне стоило выровнять все регистры в голосе, чтобы не было провалов в звуке. В первой октаве у меня совсем не звучали «до» и «ре», хотя были хорошие низкие ноты. Это сейчас говорят: ну что Образцова? Бог дал голос, дал талант, вот и поет... Все это неверно и неправда. Только эмоций — я так хочу — для настоящего дела недостаточно. Нужны волевые усилия, труд, колоссальная работоспособность, бесконечная борьба за власть над своим голосом...

У моей девочки есть стремление к нашей профессии. Но какое-то слишком отвлеченное, бездейственное. Мне кажется, многие молодые свое будущее выбирают наугад, не очень понимая, к чему лежит и не лежит сердце. Наверное, в школьном образовании надо что-то переначить, чтобы возбудить мысль подростков, научить их всерьез думать о главном. Знаю, как это трудно и сложно. Но не угадать призвание, занимать чужое место в жизни — это значит предать самого себя. А это отвратительно.

Счастье — вещь хитроумная, прихотливая. Наверное, люди не размышляли бы о нем так пристально и так долго, если бы с ним все было так просто...

Вела интервью
Л. ГЕРЦИЙ.

Званный гость

БЫТЬ САМИМ СОБОЙ

Елена Васильевна ОБРАЗЦОВА — солистка Большого театра Союза ССР, народная артистка СССР, лауреат Ленинской премии и Государственной премии РСФСР имени Глинки. Сегодня она — гостья «Ленинской смены».

Два дня назад прошла премьера — Алла Михалченко первый раз танцевала в «Дон-Кихоте». Ей 20 лет, но после спектакля девочка стояла, как маленькая, сморщенная старушка... Сколько радости она принесла в этот вечер людям, но разве кому-нибудь пришло в голову, ЧТО это за труд? Я в театре пятнадцать лет, и никак не могу к этому привыкнуть...

Когда выходишь на сцену, не думаешь ни о чем. Просто живешь. Все сделано во время репетиций, все «правила игры» выучены, теперь пора их забыть! Роль переживается, как в первый раз, в ней открываются новые неожиданности. Кармен, например, в разных спектаклях по-разному любит, по-разному умирает. У одного актера Хозе беззащитный и нежный, в другом исполнении он жесток и самолюбив, даже у одного и того же певца он в чем-то в каждом спектакле иной. Но ведь и Кармен — живой человек, она не может одинаково относиться к таким разным Хозе! Каждый спектакль что-то меняет в ней, а значит, и во мне...

Сцена — та же жизнь, только в самые высокие ее часы. События, которые происходят на сцене, умудряют душу. Быть живой на сцене — для меня значит быть живой и в жизни. Иногда мне кажется, что в театре я живу даже сильнее...

— Представьте, что в очередной свой приезд в Испанию вы повстречаете Кармен. О чем бы вы ее спросили?

— Наверное, я обрадовалась бы такой встрече. Но ничего бы у нее не спрашивала. Я люблю людей ощущать, и тут мне важнее, как человек говорит, чем что он говорит. Мне важно видеть его глаза, его реакцию, понять ход его мыслей, отношение к

ее 4 часов. Так что времени вне расписания попросту не остается. Книжки «разрешены» только ночью — с двенадцати до двух, как видите, тоже строго по расписанию.

Жесткий самоотчет. Именно с этого начинается труд. Время ни минуты не отпускает нам на отдых. День — это маленькая жизнь, так на него и надо смотреть. И никогда не забывать отдавать людям, как можно больше своего ума и сердца.

Такой режим начался с того момента, как я поступила в Большой театр. Это случилось на Всесоюзном конкурсе вокалистов имени Глинки. Когда меня, еще студентку Ленинградской консерватории, пригласили в труппу театра, я решила, что надо мной пошутили: просто сказали великодушно несколько добрых слов, и вернулась после конкурса в Ленинград. Да, лауреатом. Но потом оказалось, что все было «по правде», как говорит моя дочка. Я переехала в Москву, должна была экстерном сдать экзамены за два года и войти в репертуар театра. Вот с тех самых пор — 15 лет назад — и началась моя сумасшедшая жизнь...

— У нас есть любимые занятия, развлечения?

— Люблю ловить рыбу, грибы собирать. Люблю очень ухаживать за зверушками. У меня всегда кто-нибудь живет, бедный-несчастный. Их все дочка приносит. Последней была излеченный ворона, маленькая. Подлечили, она смогла летать — и в лес выпустили. Жили и зайцы, и черепахи, и ежи, — я уж не говорю о кошках и собаках. И воробьев приходится лечить...

— «Роль» доктора Айболита — это память о несостоявшейся профессии?

— Наверное... В свое время я очень хотела стать дрессировщицей.

ва. Допустим, во время пожара все бегут прочь, а пожарный идет в огонь. А испугается — он уже не пожарный...

— Артист погибает, если ему нечего сказать людям, если он пуст. А на самоутверждение уходят годы, жизнь на это уходит...

Что необходимо артисту? Талант. Профессионализм. Работоспособность. Интеллект. Невежество недопустимо. Надо знать живопись, знать историю, знать всю музыкальную литературу, творчество всех композиторов, различать музыкальные стили и почерки. Нужно быть очень сильной физически, быть очень нервным человеком для того, чтобы чувствовать и передавать свой импульс залу. Нужно быть современной...

Я такая счастливая, что порой мне становится жутковато. Все, что я делаю, я делаю с удовольствием. Я пою для людей и хочу сделать их счастливыми. Пусть, слушая меня, они забудут горести, которые есть у всякого. Пусть музыка очень долго напоминает им о прекрасном и добром. Это моя радость, то, для чего я живу.

А муча моя в том, что невозможно избавиться от страха не успеть сделать то, что хочу сделать. Хочу спеть оперетту, спеть баховские оратории, еще очень много опер, о которых мечтаю... И в ужасе, что может не хватить времени, я тороплюсь...

— Наверное, вы и в других цените превыше всего умение работать?

— В людях я, пожалуй, больше всего люблю откровенность. Никогда не надо бояться быть откровенным — тогда и тебе тоже доверят. Мне хочется пожелать этого молодым — будьте собой! Это такое богатство, куда человек естествен и прост, и не

вайнном записали пластинку. Совсем недавно я встретила с выдающимся маэстро Гербертом Караяном. Мы сделали запись оперы «Трубадур», и Караян предложил мне записать с ним еще несколько дисков...

Новые впечатления, знания о мире необходимы — профессионализм не может быть бездушным. Богатство техники должно одухотворить личное отношение к роли, душевный слух, который все обостряется...

— Что вас больше всего поразило в калейдоскопе зарубежных впечатлений?

— Представьте себе — люди. Вернее, то, что они во всем мире одинаковы. Они живут похожими интересами, тянутся к красоте. Мне нравится то, как они пытаются разобраться друг в друге, понять различие наших мировоззрений... Люди обогащают друг друга своими познаниями, и это все очень обнадеживает. Мир совершенствуется, он все-таки идет по пути прогресса...

— Способность к творчеству, говорят ученые, заложена в каждом человеке природой. Под гипнозом, например, человек, не умеющий рисовать, пишет как художник. Постигнуть тайну творчества невозможно, но стремиться к этому, наверное, необходимо?

— Работа артиста — это бесконечное мучение, бесконечный поиск, праздник возрождения и неудовлетворенности. Я очень не люблю говорить, как складывается образ. Всегда по-разному. Марфа в «Хованщине» родилась сразу, спонтанно, я ее очень люблю, и всегда, когда пою